

Ярослав Таран

ДОЛЯ

1988 – 1999

ПОЭТУ

Лесная грусть листвой осенней
ложится в сердце... Отзвенел
цепями сладких вожделений
последний тёплый день.

Ступени маленьких измен
стыдливо лижет тень.
Так тихо... Словно камень
за пазухою, в складках лени
укутанная совесть спит.

Но музыка над облаками
заставит садик плакать...
И сердце защежит.

Судом войдёт и встанет память
у изголовья... Так болит –
живое...

Лазури чистой музыкант,
дыханьем смерти слух омой –
душе духовной жажды дай – наград
лишь тишины поэзии самой.

окт.– нояб. 1998

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
Лермонтов

Память, как мне с тобою смириться?
Скатерть новая – старые лица...
Для чего я сюда приземлился?
И зачем вновь прошёл через детство?
И на обе ноги оступился...
И в вечность глядящее сердце
захватили глазами рабы своей смерти.
Я ль для этой забавы родился?!

По ритму, по слогам, по рифмам
вслед – иди за мной.
Ты видишь: море, рифы...
Слышишь: волны, голос мой...
А в мире новом друг друга узнать –
по голосу и по глазам –
так просто...
Память – добрая. Верить легко!
Раны неба – души как звёзды.
Скатерть чёрная да молоко
многооконое...

1989

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

В.Высоцкому

Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Одиссея

1

Стекала по жилам бетонная жижа
медленной жизни...

Улыбаясь, шутя и играя,
пугая царей,
прогоняя взашей
санитаров-чертей,
злых посредников трезвого рая,
ты был действием действий –
глаголом "петь".

Скорость света спокойно стояла у края
вдохновенной своей тишины...

И они:
то ли мёртвые рельсы,
то ли скорая смерть,
то ли время
(его измеренья
туннельного так не хватало),–
покорились тебе, поэту-нахалу,

очень нужному там, в темноте –
в немоте.

2

Расписные, дикие, злющие,
неуёмные, грубые, хрипло-орущие,
жуткие, чуткие песни твои –
вёрсты Пушкинской в сути любви.

3

Касса. Билет.
Джинсы. Свитер. Вакансия.
Табурет.
Скипетр.

Рискнуть и поверить –
и не умереть:
сдать экзамен
на зрелость поэта.

4

Не залить, не задобрить огня...
Чужие врождённые страсти, вы снова
будете резать меня?
Согласен. Но лишь – по живому.

5

Меня узнать могли бы по глазам,
но ваши зеркала не верят нашим снам.
И в этом мире, полумёртвом, полузлом,
искусства участь – только символ, только стон:
"И снизу лёд, и сверху,– маюсь между"...

Как не понять Поэзию умом,
так не вместить её свободу и надежду,
любовь и связь единую раздвоенным сердцам.
Пой – ради Бога – не оспаривай глупца.

ЭНЕРГОНОСИТЕЛЬ

А.Башлачёву

1

Я магнитную ленту купил.
Я без претензий, что шумы и помехи:
продавец предупредил.

За наше знакомство
я – деньгами, а ты заплатил...

Я без претензий!
И ты знал заранее: шумы кругом и помехи.
Творец предупредил.

1989

2

Красным сердцем своим отвлекая Быка,
ты неравную схватку затеял...

Три мешка с нашей болью и злом
ты с собою в Великую Печь уволок.

1990

ЗВЁЗДНЫЙ РЕБЁНОК

В.Цюю

Дом стоит, свет горит.

1

Выбор, сделанный нами, –
ясность и тайна
песни простой:
поётся судьбой.

2

На стыке созвездий, на сломе эпох –
кромка тысячелетий. В озере снов –
нагромождение льдов,
капканы и сети, убой и улов...

3

Встреча перенесена.
Последний страх исчез.
Всё шло к тому:
закон не дал осечки.

Разбиты домики,
игрушки спать легли.
Спокойного сна.
Старики детей хоронят.

Ночь смешнее и выше дня.

4

Между прошлым и будущим – замерло слово.
Осыпаются листья, страницы и годы...
Мы расходимся, чтобы
немного спустя встретиться снова.

1989 – 1999

ЗОВ

1

Понять художника может только художник:
любить Творца может только творец.
И "всё для людей!" – лозунг безбожный
и бесчеловечный. Скорей же, скорее, конец,
рассекающий узы правды земной,
приди к нам –
дай волю любви и творческим снам!

Кончается ночь одиночества, друг:
за ставшей прозрачною смерти стеной
зовёт нас высокое пламя с тобой
умирать – воскресая.
Смелее, смелее – за разума круг
порочный!

Будь сильным – стань как дитя:
стань рыцарем-птицей –
и рви цепи мира шутя:
веселиться –
отныне наш долг!

И Новое Небо готов уже встретить Восток...

2

Время, в котором
вышли на волю поэты
из запретов XX века,—
время, где их не читают.

Благодатное время,
в котором жил Мень!—
проклятое время,
в котором погиб
пророк от руки фарисея.

И снова на стыке веков
мир застыл перед выбором и
зависит от чтения книг...

3

За веком век, за словом слово,
как строится храм или стих,
нам открывается Лик
Твой, Россия...
О, скоро ли, скоро —
прозрачную синью —
в пред-верие Нового Неба —
Земною Невестой Божего Сына —
Златоосенняя Дева —
Вселенская Церковь —
Предтеча в Конце Веков —
в сердцах разольётся премудрою лирой
примиренья, полётом святым
Икара... О, скоро ли Ты
в наших душах взойдёшь, Роза Мира...

КРЕСТ ЛЮБОВНЫЙ

М. Цветаевой

1

Вновь я видел весну во сне,
но проснулся... Впервые живу наяву я!
Это ты подарила мне
бесконечную жизнь одного поцелуя.

2

Перевернутый свет
охлаждающих лет,
пересоленный снег
перекрёстков дорог:

белым – тёплые дни,
ибо мир справедлив;
чёрным – боль по любви,
ибо Бог не жесток.

3

В дом любовь не приносит покоя и счастья:
подобий рая нам не даёт, – в зное страсти
лукавом, под непрочную крышей земной
задыхаясь, – но дышит, где хочет,
и дыханье её непорочно!
Высота её – Бог, поперечина – боль.

4

И даже едкая печаль
не смоеет в памяти тот миг,
когда любовная мечта –
превыше звёзд, миров иных! –
тебя провидела: печать
бессмертия легла на лик –
всей болью слёз земли, с Креста
людской свободой пролитых.

НЕВОЗМОЖНО

И. Анненскому

Вещий дар воспоминанья
тайно тлел в обмане мая...
чтоб стихами прорасти
после сорока пяти.

Осень – золото пути:
мудрость грустного незнания
и небывшего свиданья
радость. Сад... Пора... Прости...

Плоть не выдержит тех ран!
Явь слаба – горит в огне.
Жизнь вся – лишь стихов обман,
что сбываются... во сне.

16 нояб. 1996

ДОЛЯ

В. Ходасевичу

1

Для дураков всё мало слов,
а разуму не нужен стих:
так много дел у дураков,
что разума довольно с них!

В песках пустынной суеты
поэзия – глоток судьбы:
как мысль о смерти – ставит крест
на службе тяжким миражам.

Жизнь одинокая есть бред –
и мира любящим сынам
не виден или чужд поэт.

2

Россия кончилась Петра.
А Новая – пока молчит.
Рыдает март: земля мертва!..
И слякоть, ветер и бронхит
мешают верить в солнце дням,
как Гамлету "слова, слова"
мешают Быть; и западня
умам трёхмерным – смерть зерна:
распятый Бог и человек
Воскресший. Умер царский век
двадцатый. Март. Земля черна.

3

Ни водой рассудочной морали,
страстной водкой тоже не унять
Твоего Огня, Отец, – "стихами"
названного здесь, в темнице дня.

Ржавая пустыня предо мною:
чудо ли – державы миражи
вдруг исчезли... и почти без крови!
В трезвости кромешной можно жить...

Можно жить. Но сердце жаждет веры –
и не может разум не рождать
миражей... хотя – одни химеры,
зрительный обман, но мне их жаль...

Жаль не лжи, тем паче – "во спасенье"!
Порожденье, как ни назови,
злых песков – мираж лишь отраженье,
но не здешней – подлинной Любви.

"Счастья нет", – сказал наш царь, наш милый,
самый жизнерадостный из всех
певчих на земле. Сойдя в могилу,
обретает веру человек.

Где же ты, читатель мой... Горим
мы единым пламенем... Во сне
ты духовной жаждою томим,
я похмельем – наяву: нас нет...

Жизни нет, когда мы врозь. Пустыня
победила мир. Сопит унылый
рынок. На устах – песок, простые
выводы: воды, воды... войны ли...

С молчаливым страхом открестилась
церковь от поэзии. И вновь
учит боль терпению: по силам
каждому растущему – любовь.

Долг подземный – почвенная воля –
стон предсмертный – Божий зов: расти!
Вдохновение – не выбор – доля.
Но не верят... Господи, прости...

1996 – 1998

Людские глубоки сердца –
не жди ни быстрого ответа,
ни справедливого суда,
ни вдохновенья без труда.
Суть творчества – рождение лица,
достойного стать образом Творца
и славой Третьего Завета.
Но путь – где каждый стих
восстание из пепла...

Пронзительней счастья – миг
возвращенья Домой – и братьев
крылатых объятья...
Страшнее суда – свой
голос из будущего – совесть;
острее стыда – боль
проданного дара за гордость
чечевичных наград... Земной
выбор – тайна. Итог
сокрыт. Из Леты глоток...
И – белый лист пред тобой.

1997

ИКАР

Заблудился я в небе...

Мандельштам

1

Качаешься, свинцовые виски
зажав ладонями – в тиски
меж будущим и прошлым: не дыша,
колеблется восторга омут пьяный,
двоится ум, трезвея и шурша...
А вдруг не вынырнешь, душа,
в который раз – из ямы безымянной?

2

Провалы времени... Но смерти нет нигде:
лишь мыслей круговерть и хлорки дух в воде –
есть ложь в крови и пузырьки в судьбе –
разорванная память о себе...

Сквозь швы, ты видишь, алый воск – любовь,
под плетью несвершённых дел
пролившаяся в омут голубой...
Не ставших плотью – слов пробел
тяжёл, как непростивший взгляд.

Строка жива воспоминанием, как боль, –
Орфей не мог не посмотреть назад!
Икар стал камнем. Память зла.
Стихи сбылись, не перейдя в дела.

3

Твоей обиды стыд и яд
я, время, пью, – лицом назад,
спиной вперёд идя...

Но иногда... как будто на канат
вступив, дышу стихом – спокоен я:
свободный путь не изменить.

Предсмертный жизни вздох зовут
поэзией. Но остывает – копия.
Любя стихи – я полюбил уют.
А тонкая уходит в небо нить...

4

В стуже будней,
словно звёзды, души.
Ужас космоса
и Слова лучик.

Сушит время нас –
смиренью учит:
"лучше уж не будет"...

И не знают люди,
как поэт им нужен,
как он солнце любит!

янв.– апр. 1998

САТИРИК

Я душою Печь топлю:
клином смеха тьму гоню
на свет изящной речи.
Кишат по нашему по дну
в каждом члене ледяные черти.
И, не смея лезть к огню,
тени топчутся толпой,
отравляя разум мой.

Я в зеркало долго смотрел –
и смех мой темнел,
и смерть я узнал:
я жуткое в душу впустил,
в крови растворил –
и, как мог, описал;
и крыльев лишился и сил,
и упал на осколки зеркал.

Дай мне силы, Господи, всё перетерпеть...
Где же Ты... прошу Тебя... ответь...

1994 – 1999

ЧИТАТЕЛЮ

...и судимы были мёртвые
по написанному в книгах.
Апокалипсис

1

Тебя прошу, мой друг:
прости меня, мой милый,
прости за мой недуг
и не пусти в могилу.

С полужвука, с полудыхания
понимаешь – любя.
Не ищу в тебе сострадания:
не ищу, а вижу – себя.

2

Лампа. Стол. По строчкам тихо взгляд скользит.
Вдруг... слеза из сердца за рифмой пробежит...
Высотой покоя озарится жизнь.

Словно стих, играет в капле нашей мир,
вольное дитя, – чистой неги миг...
И я – у ног твоих.

3

... И Пушкина последний взгляд –
не на родных – на полки книг:
"Прощайте, милые друзья..."
Вот Страшный Суд для уз земных.

В безлюдьи мутном милые друзья,
за всё, что понял – вспомнил я,
за всё, что на земле люблю,
за веру в Бога вас благодарю.